

Елена Медведева КУРЬЕР ИЗ СИЦИЛИИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нью-Йорк, февраль 2008.

— Дайте пройти! Дайте пройти! — конвой ФБР с трудом сдерживал бешеный натиск репортеров всех мастей, жаждущих запечатлеть кульминационный момент грандиозной операции спецслужб, носящей кодовое название «Old Bridge» — «Старый Мост».

Из здания ФБР выводили арестантов — ключевых фигур мафиозных семей Гамбино, Маннионо и других, на протяжении трех десятилетий подчинявших своему влиянию преступный мир Нью-Йоркского андеграунда. Рэкет, вымогательство, грабежи, убийства, финансовые аферы, трансконтинентальная перевозка наркотиков — вот краткий перечень их деяний.

Операция «Old Bridge» планировалась как совместная акция ФБР и итальянской полиции, в ходе которой предстояло взять под стражу более сотни представителей мафиозных кланов. Целью этой самой широкомасштабной за последние 20 лет акции было предотвращение возобновления и

укрепления международных контактов сицилийской Коза Ностры.

Однако Сицилия стала родиной не только мафии. Этот «зеленый, как рожковое дерево, белый, как соляные копи, желтый, как сера, золотистый, как мед, пурпурный, как лава,» загадочный остров дал миру не мало выдающихся представителей рода человеческого, начиная с великого Архимеда из Сиракуз.

ГЛАВА 1 ДИАГНОЗ

Подмосковный город Химки, ворота Москвы, как горделиво окрестили его местные старожилы.

— Алло, есть какая-нибудь информация о Николае Леонове?

За сегодняшней вечер Алексей в сотый раз задавал этот вопрос дежурным больниц, моргов и информационной службы. Давление зашкалило за 180, психоэмоциональное напряжение заявило о себе учащенными и аритмичными сокращениями сердечной мышцы. Владимир протянул ему стакан, от которого распространялись едкие волны валерьянки. Протяжно и чувственно заголосил рыжий кот Фунтик. Алексей залпом осушил стакан и рухнул на диван, позволив другу поправить подушку и набросить на ноги тонкий японский

плед.

— Как банально это не звучит, но друг действительно познается в беде, — вздохнул Алексей. — Если бобы не ты, Володя, я бобы совсем растерялся.

С трудом удержав слезу, Алексей взглянул на обрамленное позолоченной рамкой семейное фото. Всего лишь месяц назад они были вполне довольны жизнью. Вера с ее перламутровой улыбкой смотрелась не хуже кинозвезды, сын Николай так и искрился энергией юношеских желаний и надежд. И даже престарелый и больной лабрадор Лорд казался счастливым в окружении любящих хозяев.

С экрана телевизора прозвучала информация о крупной автокатастрофе на Горьковском шоссе: столкновение «Газели» с грузовиком привело к гибели водителя и четырех пассажиров.

— Володя, позвони ты, — с трудом выдавил Алексей.

— Хорошо, только еще рано звонить — личность погибших пока не установлена. Леха, мужик ты или нет?! Возьми себя в руки. Может, коньячку налить?

— Давай. Извини, но тебе меня не понять — у тебя никогда не было семьи, и не просто семьи, а маленькой ячейки любящих и заботящихся друг о друге граждан.

— Ты говоришь «любящих»? А Вера?

— Не сыпь мне соль на рану. Вера всю жизнь была самой заботливой и верной женой. Я уверен — она вернется. Не может не вернуться, узнав об исчезновении сына!

— Мне кажется, что надо все-таки обратиться в милицию.

— А записка?! — Алексей развернул сложенный вчетверо лист. — «Папа, в милицию не обращайся!!!»

— Ты уверен в том, что это его почерк?

— Об этом я каак-то не подумал. — Алексей снова взял в руки записку и, внимательно вглядываясь в буквы, произнес:

— Три восклицательных знака — наш с Колей условный символ — я должен выполнить его просьбу.

* * *

Женская консультация города Химки занимала первый этаж старого дома, над которым возвышался заслонивший небо каркас строящегося высотного здания. В кабинет гинеколога вошла, опираясь на палку, удивительно красивая блондинка лет сорока.

«Это совсем недолго, это надо пережить», — шепнул вынырнувший на поверхность подсознания гномик-оптимист. Дав себе установку «не болеть»,

Вера не помнила, чтобы за последние десять лет обращалась к врачу. При ее профессии школьной учительницы болеть было крайне не выгодно — вы платят копейки по больничному, а основного заработка в виде факультативных занятий и частных уроков можно вообще лишиться — разбегутся нерадивые ученики. А то и того хуже: залезут в родительский кошелек якобы для оплаты занятий, а сами прокутят денежки, в лучшем случае, в «Макдоналдсе».

— Здравствуйте, Нина...

Доктор оторвалась от чтения каких-то бумаг и повернула к вошедшей скуластое лицо, типичное лицо восточной женщины с раскосыми узкими глазами.

— Вы, вероятно, наш новый доктор?

— Я уже три года работаю в женской консультации. Меня зовут Эльзара Астаховна.

— На что жалуетесь, — доктор взглянула в регистрационную карту, — Вера Анатольевна?

— Только на хроническую усталость. Я учительница, нагрузка сумасшедшая. Десять лет нигде, кроме дачи, не была. Муж и сын настаивают на том, чтобы в эти каникулы я хорошо отдохнула. Неделя в Италии, затем санаторий, но необходимо пройти обследование для курортной карты.

Эльзара подвела пациентку к смотровому креслу.

— Вам помочь?

— Да, пожалуйста.

— А что, простите, с вашей ногой?

Вера нахмурилась.

— Ошибки молодости, не хочется вспоминать.

Эльзара вымыла руки и надела перчатки. Вера прикусила губу и вдруг представила розовощекое и всегда улыбчивое лицо покойного директора школы Белова. Белов никогда не жаловался ни на сердце, ни на другие жизненно важные органы. Но вот однажды по инициативе школьного врача, опирающейся на щедрость директора, в школу привезли японские диагностические приборы. Белов поначалу вообще не хотел принимать участие в процедуре, но горячо любящие его коллеги настаивали: своевременно поставленный диагноз дает шанс вылечить любую болезнь. Японская диагностика выявила у Белова двенадцать хронических заболеваний, и в тот же день от расстройства с ним случился обширный инфаркт.

— Да вы не волнуйтесь — минутное дело. Расслабьтесь! — подбодрила Веру Эльзара Астаховна.

Процедура длилась мучительно долго. Наконец, Вера не выдержала.

— Доктор, что вы там копаетесь?

— Э-э... даже не знаю, как сказать...

Вера ощутила прилив крови к вискам, в бешеном ритме колотилось сердце. В эту минуту она думала не о том, какой диагноз поставит ей доктор, а о том, что вдруг оборвется нить, из которой всю долгую мокрую зиму она вязала узор своей мечты.

— Говорите правду!

— Вы действительно хотите знать правду?

— Да!

— Когда вы были у гинеколога?

— Лет десять тому назад.

— Надо было серьезней относиться к своему здоровью. У вас бывают кровотечения?

— Да, иногда.

— Вам необходимо срочно сдать анализы.

— Доктор, не мучайте меня, скажите все, как есть.

— На 90 % это онкология.

Верино красивое лицо стало блее мела. Доктор говорила какие-то утешительные слова, но Вера смотрела мимо, не видя и не слыша. Неужели жизнь уже прожита? Неужели поздно о чем-то помечтать? И как же это скучно ожидать конца пусть даже рядом с любящими мужем и сыном. И хватит ли их любви на это испытание? Больше всего мужа не любят, когда жены жалуются на здоровье, хотя сами чуть что и начинают ныть как маленькие дети и требовать к себе повышенного

внимания. Правда, есть надежда, что ее Алексей представляет собой исключение из правил: до сих пор в любой трудной ситуации вел себя как настоящий мужчина, несмотря на физический недуг.

— Сколько? Вырвалось у Веры.

— Что сколько?

— Сколько мне осталось? Год? Месяц?

— Да не волнуйтесь вы раньше времени! Если вовремя сделать операцию, с этим можно прожить не один десяток лет. Однако в Италию ехать не рекомендую — солнце вам абсолютно противопоказано.

— Но я так долго мечтала об этой поездке! Копила деньги, просматривала буклеты...

Глаза Веры наполнились слезами.

— Милая, речь идет о вашем здоровье.

— Я все равно поеду. Надо отвлечься от всего этого пусть даже в последний раз.

— Только ни в коем случае не загорайте. В крайнем случае, — после трех.

Вера попыталась встать с кресла и, потеряв равновесие, упала на пол. Эльзара помогла ей подняться и усадила на стул.

— Вам надо постоянно контролировать свое давление. Вот этот прибор поможет вам сделать это в любом месте, не привлекая внимание.

Эльзара надела на запястье японский

мини-тонометр и нажала кнопку.

— Ого! Верхнее давление поднялось до 160-и.
Выпейте корвалол и отдохните дома на диване.

— К сожалению, не могу — у меня урок.

— А прибор вам понравился?

— Вы можете его продать?

— Да, каждый зарабатывает, как может.

— Сколько?

— 2300.

— Хорошо, я беру.

* * *

9 «Б» класс. Раскрасневшиеся ученики пишут итоговую контрольную по математике. За столом — учительница, блондинка лет сорока с красивым, но хранящим следы хронической усталости лицом. Это Вера.

Время от времени гудят мобильные.

— Ребята! Отключите мобильные! Я вас предупреждала!

На несколько минут воцарилась тишина. Но вот снова пронзительный скрежет гудка.

— За кого вы меня принимаете?! Думаете, мне не известно, как ваши сообщники передают вам решения? Сейчас перепишу всех, кто пользовался мобильными, и влеплю по двойке.

— Вера Анатольевна, простите нас...

пожа-аалуйста. Мы больше не будем!

Парни из 9-го «Б» были неуправляемыми. Они мгновенно ощущали, когда учительница была уже физически не способна усмирять их своим рыком и проставлением двоек в дневники. И тогда они шли в разнос. Конечности их дергались сами по себе, головы вращались, как у гутоперчевых пупсов, гортань вибрировала, как камертон, изрыгая: ну ты, глиста в скафандре, урод глазастый, впыердыш кошачий и так далее и тому подобное. Пальцы их периодически сжимались в кулак, готовый нанести удар по всему, что попадет под руку.

Однако способ обуздать их буйство все же существовал. Стоило Вере предложить им тему, не входящую в школьную программу, например, о контактах с внеземным разумом, детский поток сознания мгновенно устремлялся по другому руслу.

Вера машинально выдвинула ящик стола, в котором лежали листы, заполненные фантастическими бреднями ее учеников.

«В далекие времена марсиане решали вопрос о том, как поступить с теми детьми, которые рождались уродами. Некоторые предлагали убивать их сразу же после появления на свет, другие — переправить на Землю, бывшую в то время необитаемым островом Вселенной. После гибели марсианской цивилизации некоторым удалось спастись и развить передовые технологии. Теперь

они выявляют среди нас потомков марсианских уродов с тем, чтобы сделать из них полноценных марсиан, которые создадут на нашей планете новую цивилизацию после конца света».

Другие с полной уверенностью писали о том, что инопланетяне вселились в оболочку домашних животных, что позволяет им днем и ночью наблюдать за поведением человека. И наступит время, когда они будут убивать нехороших людей, принимать их облик и обустраивать по-новому жизнь на нашей планете.

Третьи вдруг проявляли не детскую рассудительность и даже склонность к философским рассуждениям: «обычно инопланетян представляют захватчиками. Это все относительно. Может быть, мы представим их захватчиками потому, что сами являемся таковыми. Я до сих пор не знаю, что лучше — жить или умереть. Может быть, смерть — только прелюдия к нашей новой жизни, и мы будем всегда и везде, никогда и нигде».

Вера встала и, слегка прихрамывая, прошла по рядам. Раскрашенная, как клоун, девица быстро смахнула со стола решебник.

— Таня! Ты совсем обнаглела! Немедленно убери это в сумку!

Учительница вздохнула и, безнадежно махнув рукой, подошла к окну. За окном — подернутая

сизой дымкой голубизна, свежая майская зелень лесопарка, которую вот-вот заслонит серая громада точечной застройки. Вера на минуту закрыла глаза. Перед внутренним взором замелькали картинки из рекламного буклета: морские волны, золотистые пляжи, покрытые пышной растительностью долины, прекрасные дворцы и храмы, роскошные виллы римских патрициев, брызжущий огненными брызгами вулкан Этна.

Ее мечтательный взгляд не остался незамеченным. Сидевший на первом ряду паренек запустил шпартгалку-галку, которая благополучно опустилась на стол раскрашенной девицы. Вера повернулась лицом к классу.

— Вера Анатольевна, а где вы собираетесь провести каникулы?

— Хотелось бы побывать на Сицилии.

— Это круто! Там мафия!

— Там сохранилось наследие древних культур Европы и Африки. Я очень люблю ездить на экскурсии, но моя нога... Вера снова отвернулась и закрыла глаза, уносясь мыслями в прошлое.

* * *

Украшенный новогодними гирляндами актовый зал университета. Идет генеральная репетиция предстоящего праздничного концерта.

Вера — солистка группы. Тогда внутри нее с бешеной скоростью крутился моторчик оптимистических надежд. Она видела себя как бы со стороны: длинноногая, голубоглазая, с роскошной гривой волос она выходила на сцену, окутанная восхищенными взглядами зрителей.

С заключительным аккордом гитары в дверях показалась Светка, секретарша декана, и помахала Вере рукой.

— Вера! Тебя вызывают в деканат.

Вера слегка побледнела и спустилась со сцены.

— Что случилось? Я же сдала все хвосты!

— Да не трясись ты! Тебе собираются сделать кайфовое предложение. Ты говоришь на итальянском?

— Немного. А в чем дело?

— Приехал один итальянский ученый. Жутко любопытный. Будешь сопровождать его на экскурсию в радиофизическую лабораторию, покажешь ему Москву.

— Мне надо подготовиться.

— Времени нет. Дурочка, лови момент — тебе сессию продлят. Он ждет тебя в деканате. Идем!

* * *

Вера открыла дверь и оцепенела от

неожиданности.

Итальянец внешне походил скорее на волшебника, чем на ученого: огненные черные глаза метали искры, обжигающие нутро. С минуту они молча сверлили взглядом друг друга.

— Доктор Архимед Росси, — наконец представился он.

— Архимед? Знаковое имя.

Доктор загадочно усмехнулся.

— Как и ваше. Вас зовут Вера?

— Да, и я рада познакомиться с вами.

Доктор Росси галантно поцеловал протянутую руку, глядя в глаза девушки.

— А чем вы, Вера, занимаетесь?

Вера молчала, смущенно теребя прядь волос. Он повторил свой вопрос на английском.

— Я учусь на факультете вычислительной техники. А чем занимаетесь вы?

— Электромагнитным терроризмом, — усмехнулся доктор Росси.

Вера испуганно вздрогнула.

— Это шутка, — успокоил ее Архимед.

* * *

Вечер. Вера и доктор Росси сидят за столиком ресторана. Официант подносит меню.

— Архимед, что из русской кухни вы хотели

бы попробовать?

— Лесную землянику со сливками.

— Землянику?

— Да, у нас на Сицилии это деликатес.

— Так вы родом с Сицилии? Загадочный остров...

— Да, загадочный, — улыбнулся Архимед.

* * *

Сицилия, 1964.

Старинный рыбацкий поселок на берегу прозрачного как небесная лазурь залива, окруженного нетронутой веками живой природой. Вдали грозно дымит вулкан Этна, готовящийся выплеснуть на скалистые склоны свое огненное сердце.

— Антонио! Архимед! — зовет рыбак со смуглым до почти африканской черноты обветренным лицом мальчишек лет семи-восьми. — Идите на подмогу!

— Богатый улов! Дед, ты самый лучший на свете рыбак, — Антонио с гордостью разглядывает бьющуюся в сетях рыбу.

— А у меня почему-то никогда не было деда, — вздыхает Архимед.

— Глупыш! Такого не может быть — у всех есть деды, прадеды и даже прапрадеды. А тебя,

кстати, назвали в честь твоего предка.

— Но почему я никогда не видел его?

— Он умер задолго до рождества Христова в те далекие времена, когда жители Сиракуз поклонялись богам в храме Апполона.

— Сейчас от храма остались только развалины и несколько колонн.

— Но в те времена Сиракузами правил грозный тиран Гиерон.

И был у него друг, великий математик, механик и астроном по имени Архимед, написавший книгу о плавании тел. А открыл он закон плавания при обстоятельствах, известных каждому школьнику. Однажды царь Гиерон поручил своему золотых дел мастеру изготовить корону из чистого золота, а когда корона была готова, засомневался — из чистого ли золота это произведение искусства и не добавил ли мастер в него серебра. Ответ на этот важный вопрос было поручено дать Архимеду. И вот однажды, погрузившись в ванну, Архимед вдруг выскочил из нее как ошпаренный и с криком «Эврика! Нашел!» помчался во дворец. По его приказу принесли весы, корону, слитки золота, чашу с делениями, наполненную водой. Архимед подобрал слиток, равный по весу короне и... как ты думаешь, что он сделал потом?

— Положил сначала корону, а затем слиток в

чашу и измерил, на сколько поднялась вода. Если уровень одинаковый, значит, корона сделана из чистого золота.

— Правильно мыслишь, хотя и мал еще. Хорошая голова у тебя на плечах, и мы, твоя семья, поможем тебе, а ты потом поможешь нам.

— Однажды вечером, когда я бродил по горам со своей собакой, с вершины дерева спрыгнула большая черная кошка, — продолжил свой рассказ доктор Росси. — Изогнувшись в дугу, кошка зашипела и ударила лапой остолбеневшего от неожиданности пса. Потом долго смотрела на меня своими светящимися в ночи желтыми глазами, словно пытаюсь что-то сказать. Я погладил ее, и, к моему удивлению, между моими пальцами и ее густой шерстью начали проскакивать многочисленные искорки.

С тех пор поиск источников энергии стал делом всей моей жизни.

— Так вы потомок самого Архимеда?

— Прямых доказательств у меня нет, кроме внешнего сходства — говорят, что у меня такая же крутая растительность на голове, как и у моего предка, — засмеялся доктор Росси. — Ты видишь этот чемоданчик? — Архимед достал из-за спины небольшой кейс. — В этом чемоданчике можно спрятать энергию, которая, к примеру, остановит

запуск ракеты, да что там ракеты, в нем можно разместить мощность, равную мощности от взрыва Чернобыльской атомной станции. Вот над этим я сейчас и работаю.

* * *

Вера и Архимед виделись каждый день. Днем в лаборатории он обходился уже без ее помощи — выручал английский, а вечера принадлежали только им двоим. Ходили в театры, рестораны, пили, пели. И хорошо, что их не видел никто из знакомых — все было бы ясно без слов.

Так незаметно подкрался день расставания. Самолет на Палермо вылетел точно по расписанию. До последней минуты Вера надеялась услышать слова, которые обозначат для нее путь на перекрестке сомнений. Но слова прозвучали жестко, как приговор:

— Ты славная девушка, но у меня есть только одна страсть — электричество. Не хочу поломать твою судьбу.

В тот вечер Вера вернулась в компанию дачных друзей, уже потерявших надежду увидеть подругу. Алешка предложил поехать на мотоциклах на рыбалку.

Вера редко сама садилась за руль, но сейчас ей, как никогда, хотелось выжать из железного коня

всю его мощь. Она неслась по шоссе, подставив лицо освежающему ветру, который, казалось, смывал с души горечь несбывшихся надежд.

За поворотом на проезжую часть выбежал молодой лось, не успевший познакомиться за свою короткую жизнь с правилами дорожного движения. Вера резко повернула руль, и в следующий миг вслед за нестерпимой болью наступила тишина.

Очнулась она в больничной палате. Попыталась встать, но окутанная гипсом нога была высоко поднята и надежно закреплена. За дверью слышались приглушенные голоса, один из которых, по-видимому, принадлежал доктору.

— В чем вы меня обвиняете? В том, что я спас жизнь вашей дочери и ее будущего ребенка?

Вере показалось, что сердце вот-вот вырвется из груди. Чтобы не крикнуть, она зажала рот рукой.

— Но моя дочь останется калекой! — прорыдала за дверью мать.

— Да, ногу пришлось укоротить на шесть сантиметров, но мы сделали все возможное, чтобы не прервалась беременность. Она сможет родить.

— И стать матерью-одиночкой?!

— Неужели вы хотите, чтобы ей сделали аборт? Мы не можем без ее согласия.

— Н-н-нет! Не надо аборта! — произнес дрожащий заикающийся голос. Он принадлежал Алешке. — Людмила Андреевна, — теперь он

обращался к Вериной матери, — я люблю вашу до-дочь и готов жениться...

* * *

По классу снова пролетела галка, адресованная раскрашенной девице. Вера подошла к ее столу и протянула руку.

— Отдай!

— Это не шпаргалка! Это личное.

— Так ты, Таня, оказывается, гений — даже во время контрольной можешь позволить себе бурную личную жизнь. Только почему в дневнике одни тройки?

— Тройку тоже надо уметь получить.

— Значит, это все-таки шпаргалка?

Вера развернула бумажку, и в следующий миг брови ее поползли вверх.

— Вера Анатольевна! Прочтите!

— Не могу без разрешения. Это действительно личное.

— Ладно, читайте, — махнула рукой Таня.

— Я один как Луна, ты как Солнце весной.

Между нами стена — не пройти сквозь нее.

Но не видя тебя, я теряю покой, Потому что влюблен и хочу быть с тобой...

— А что, не плохо! Жаль только, что любовь нагрянула не вовремя, — Вера бегло просмотрела

Танину контрольную.

— Боюсь, что не смогу аттестовать тебя за год.

— А можно переписать?

— Только завтра — в субботу я улетаю на Сицилию, если, конечно, дадут визу.

— А что делать, чтобы не получить двойку?

— Что делать? Учить, конечно.

— Времени мало.

— Ну, тогда прибегнуть к магии, — усмехнулась Вера.

— Как это? Расскажите.

— Один маг по имени Юрий Земун уверяет, что надо описать последствия в самых мрачных красках и поблагодарить Бога за предупреждение. Например, так: «я действительно не напишу контрольную и получу двойку. Останусь на второй год, в то время как мои одноклассники будут учиться в десятом или в хороших колледжах. На меня будут смотреть как на неудачницу, и никто не посвятит мне стихи. С горя я заведу себе плохих друзей, которые много пьют или еще хуже — употребляют наркотики, и пропадет все хорошее, что было или могло быть.

Спасибо тебе, Господи, что ты вовремя предупредил меня. Я готова отдать тебе самое лучшее, что у меня есть — новый мобильный.»

Класс разразился хохотом.

— Напрасно смеетесь. Вот увидите — завтра Татьяне достанется билет, который она знает.

* * *

Трехкомнатная квартира в доме «монолит-кирпич», в которой проживают Вера, ее муж Алексей и сын Коля. На подушке томно растянулся пятнисто-рыжий кот-экзот Фунтик.

Услышав домофонный звонок, Фунтик вздрагивает, выгибает спину, потягивается и, сладко зевнув, спешит к двери. Коля, кареглазый парень лет двадцати двух, отодвигает задвижку.

— Мама! Что с тобой? На тебе лица нет!

— Да так, пустяки. Папа звонил?

— Каждые три часа. Он уже подъезжает к Байкалу.

— Какого хрена ему сдался этот Байкал?! Я так волнуюсь за него!

Сколько раз пыталась убедить его, что сейчас не время заниматься перепродажей машин, да еще перегонать их с Дальнего Востока через всю Россию.

— Ты ничего не понимаешь! Он купил классную тачку всего за четыре с половиной. «Мицубиси спорткупе». Многие парни хотят спортивную машину, да не по карману. Тысяч за двести шестьдесят ре точно продаст.

— А сколько уйдет на бензин? Я уже не говорю о риске. Так рисковать из-за нескольких тысяч баксов! Лучше бы ты нашел приличную работу! Сидишь целыми днями за компьютером, а толку никакого.

— Если вкалывать с утра до вечера, на жизнь времени не останется.

— А что ты называешь жизнью?

— Делать то, что интересно.

— А что тебя интересует?

— Этерлинг, например.

— Что-что?

— Тебе этого не понять.

— Да где уж мне!

— Ладно, проехали. Как у тебя с путевкой?

— Завтра зайду в турагентство. Возможно, будет информация о визе.

— А когда вылет?

— В субботу в одиннадцать тридцать.

— Ну и дела! Послезавтра вылет, а визы все нет.

* * *

Приемная турагентства. Трое туристов просматривают красочные журналы под аккомпанемент призванной поднять настроение мелодии.

Этот холл прежде казался Вере первой ступенькой в другую жизнь, беззаботную и красивую. Но почему в бочке меда всегда найдется ложка дегтя? Лучше бы она пошла к врачу по возвращении из Италии. Она чувствует себя прекрасно — ничто не беспокоит. Однако теперь все мелкие неурядицы, сопровождающие турпоездку, как то: задержка в выдаче визы, томительное ожидание в приемной агентства, казались ей прелюдей к состоянию устойчивой душевной тревоги. Вера входит в кабинет.

— Здравствуйте, я...

— Вы насчет визы? Видите ли, документы в итальянском посольстве готовят все сразу и в последний момент. Скорей всего вы получите их прямо в аэропорту.

— Значит, я должна отправиться с вещами за 50 километров от дома, не будучи уверенной в том, состоится поездка или не состоится? А вдруг визу не дадут?

— Тогда вам придется обратиться в страховую компанию.

— Да-а... весело начинается отпуск!

Звонит мобильный. Вера достает из сумочки телефон.

— Алло! Да, это я. Срочно явиться в поликлинику?

Почувствовав, как невидимые клещи сжимают

виски, Вера выронила трубку и опустилась в кресло.

— Вам плохо? Может быть, вызвать «скорую»?

— Нет, спасибо, не надо. Просто закружилась голова...

ГЛАВА 2 ЕСТЬ ТОЛЬКО МИГ

Приемная гинеколога. Вера с заплаканным, но счастливым лицом беседует с Эльзарой.

— Как вы могли так меня напугать? Я подумала, что уже все — конец!

— Я вызвала вас срочно потому, что знала о предстоящей поездке и хотела, чтобы вы отправились на отдых с хорошим настроением. Однако мое предупреждение относительно солнечных ванн остается в силе.

Вера поежилась, вспомнив о леденщем холоде, который после того страшного диагноза то и дело щекотал сердце.

— Вы даже представить не можете себе, что я пережила!

— Я многое могу себе представить, — вздохнула Эльзара. — Потеряла мужа и жилье, приехала в Москву без гроша с двумя чемоданами и дочерью. Сейчас дочь работает простой

продавщицей в овощной палатке. Хозяин платит по 500 рублей в день. Этого хватает на оплату однокомнатной квартиры. У нас в Бишкеке можно купить участок за 8 тысяч и за 20 тысяч построить дом. Если во всем себе отказывать, такие деньги за несколько лет удастся накопить. Но об отдыхе даже не думаем. А вы вот в Италию...

* * *

Аэропорт Домодедово. У стоек многочисленных представительств турфирм томятся страждущие сменить озноб души на отдых в комфортном салоне самолета. Вера и провожающий ее Коля первые в длинной очереди пассажиров, — чем раньше получишь авиабилеты, тем больше шансов завладеть лучшим местом.

Наконец начинается раздача папок с документами. Вот она, долгожданная шенгенская виза! Вера спешит к стойке регистрации пассажиров.

— Мне, пожалуйста, место у прохода — люблю встать, размяться и при этом не беспокоить соседа.

— Вам повезло — могу предложить вам место в салоне бизнес класса.

— А сколько надо доплатить?

— Нисколько — салон почти пуст. Богатые

люди предпочитают летать на Сицилию во время извержения вулкана.

* * *

Паспортный контроль. Молодой офицер подозрительно долго изучает Верин паспорт.

— Простите, но здесь не ваша фотография.

— Как не моя?! Я специально снялась для визы у лучшего фотографа.

Правда, просила слегка подретушировать снимок, чтобы выглядеть помоложе.

— Похоже, фотограф не так вас понял.

Вера схватила паспорт. С фотографии на нее смотрело морщинистое лицо с темными мешками под глазами.

— Коля! Найди валидол. Он в аптечке на дне сумки.

Коля достал таблетки и положил одну Вере в рот.

— Ты сядь, мама. Ну как? Тебе лучше?

— Да не волнуйтесь вы так, — успокаивает их офицер. — Обратитесь к представителю турфирмы. Он обязан что-то предпринять.

— Но что он может сделать?

— Это ошибка посольства — визы готовили ночью наспех. Они должны обеспечить ваш вылет.

* * *

Зал ожидания. Измученная волнениями Вера сидит с закрытыми глазами в кресле. Звонит мобильный.

— Да, сынок, я в порядке. Борщ в холодильнике, котлеты на сковородке.

Обязательно ешь горячее на обед.

— Не парься, мама. Все будет нормально.

— Коля! Где ты набрался таких выражений? Да, не перепутай собачий корм с кошачьим. Фунтику насыпь «Hills», а лабрадору разогрей кашу с мясом.

— Все будет сделано в лучшем виде.

* * *

Салон бизнес класса. Обложенная подушками Вера нежится в мягком кресле, потягивая из бокала красное сухое.

«Боинг 757» кружит над лунным ландшафтом острова, окутанного дымкой испарений вулкана Этна. Несколько разочарованная Вера прильнула к стеклу иллюминатора. Холмисто-гористый рельеф обожженного африканским сирокко острова, окаймленного зелеными оазисами побережья.

Пассажиры слегка встревожены — им кажется, что самолет слишком долго не выпускает

шасси, да и посадочной полосы не видно. Душу сковали ледяные кольца.

Неожиданно произошло касание. Аплодисменты раздались не сразу, а после короткой паузы замешательства. Но все отлично, все здорово — Вера на острове Сицилия. Только сейчас она поняла, что выбрала этот тур не случайно — где-то в глубинах подсознания затаилась мысль о возможной встрече. Она отчетливо представила его лицо. Интересно, как он теперь выглядит? Вера взглянула на свою подвергшуюся стольким операциям ногу и подумала: «Нет, не надо, чтобы он увидел меня такой».

* * *

В двух километрах от очаровательного городка Чефалу, яркого примера наследия различных цивилизаций, начиная с V века до нашей эры, расположен уютный отель, принадлежащий, по слухам, сицилийской мафии.

Время ужина. Метрдотель проводит Веру к столику, за которым уже сидят шестеро русских: крутой с виду парень лет двадцати пяти с молодой вообразалистой супругой в ярком сарафанчике и босоножках на невысказанно высоких шпильках, две дамы забальзаковского возраста с типичной

наружностью бизнеследи, то есть подчеркнуто небрежно одетые и при этом переполненные чувством собственного достоинства, и две очень смазливые девушки из Сургута, ни на секунду не забывающие о своей внешности. Несмотря на явное различие в статусе собравшихся, они кажутся спевшейся компанией, не нуждающейся в новых членах.

— Разрешите представить вашу соотечественницу, — заискивающим тоном произносит метрдотель, — даму зовут Вера, она учительница.

— Я Мария, банкир из Елабуги, — представилась одна из бизнеследи, а это Женя, главный бухгалтер.

— Так не годится, — вдруг возмутился крутой, — нам за столом и так тесно.

— Простите, но я вспомнил русскую поговорку: «в тесноте, да не в обиде», — заметил метрдотель.

— Лично я выбрала для свадебного путешествия Италию и этот отель, так как думала, что здесь отдыхают люди выше среднего достатка, — задрав свой и без того курносый нос, выпалила молодоженка.

— Вы правы, учителей и к среднему классу трудно отнести, — вздохнула Вера. — Но, может быть, я приехала сюда не как учительница, а как

жена своего мужа. Кстати, вы еще не представились.

— Я работаю помощницей прокурора.

— Генерального?

— Нет, пока районного масштаба в Твери. Мой муж Вадим — старший следователь. А вы из какого города?

— Мы с мужем коренные москвичи, большую часть жизни прожили на Тверской в доме, когда — то принадлежавшем Григорию Распутину.

— Ах, ну тогда извините. Садитесь, пожалуйста. Кстати, моя мама купила нам квартиру в районе метро Щелковская, так что скоро и мы станем москвичами. Вадиму предложили работу в Балашихинском УВД.

— Боюсь, что мое общество не представляет для вас интереса — я законопослушная гражданка.

— Синьора, вы говорите по английски? — поинтересовался метдротель.

— Да, а почему вас это интересует?

— Я могу предложить вам чудесный столик с видом на залив. У вас будет только двое соседей — супружеская пара из Мюнхена. Они хорошо говорят на английском и жаждут общения, но, увы, мало кто из отдыхающих может поддержать разговор — здесь, в основном, французы и итальянцы.

Немецкая пара встретила Веру очень приветливо, особенно она. Но на немку эта маленькая женщина по имени Лао с ее типичной наружностью таитянки была совсем не похожа. Зато ее супруг, которого звали Карл, живи он во времена нацистской Германии, мог бы похвастаться всеми отличительными чертами арийской внешности.

Едва познакомившись, Лао начала рассказывать о своих впечатлениях, и не просто рассказывать. Достав из сумки пару бежевых осенних туфель на шнурках, она приблизила их к своему маленькому носику, смачно втянула в широкие ноздри аромат кожи и затараторила:

— Я езжу в Италию, главным образом, для того, чтобы покупать обувь. И вам советую. Очень мягкая кожа! И подошва непромокаемая. В таких ботинках осенью будет комфортно. Я уже не говорю о том, что они в полтора раза дешевле, чем в Германии.

— Моя жена может позволить себе покупать любую обувь и в Германии, — заметил Карл, — у Лао свой бизнес. Но за годы совместной жизни моя жена приобрела немецкую привычку к экономии.

— А на экскурсии вы ездите? — полюбопытствовала Вера.

— О да! Здесь есть, что посмотреть! Прежде всего Палермо. Красивейший город, но мало средств тратят на реставрацию — деньги прикарманила мафия. Если вы любительница острых ощущений, посетите монастырь капуцинов — там хранятся несколько тысяч мумий. — Карл протянул Вере фотографию скелетов во фраках и головных уборах.

— Брр... какой ужас!

— Простите, что испортил вам аппетит.

— Нет-нет, что вы. Вы правы — я действительно люблю все необычное.

— Да, кафедральные соборы, дворцы — все это прекрасно, но, признаться, меня больше интересует мафия. 24 июня арестовали девять главарей, которые раньше сотрудничали с Бернардо Провенцано. Этот крестный отец в течение 43-х лет скрывался от правосудия и был пойман только в апреле прошлого года. Вот взгляните на эту публику! — Карл повернулся и взглядом указал на противоположный конец ресторана, где собрались несколько десятков смуглых черноволосых мужчин небольшого роста в черных костюмах и ослепительно белых рубашках. — У них здесь постоянные сходки, но зато и нам достается кое — что с барского стола — торт с земляникой.

Вера вздрогнула.

— Что с вами?

— Все в порядке. Просто вспомнила одного знакомого итальянца. Он очень любил торт с земляникой.

* * *

Кухня в квартире Веры, пахнувшая свежим ремонтом — подарок Алексея жене к отпуску. Семья любит собираться по вечерам в этом уютном гнездышке, где можно в редкие часы отдыха поговорить по душам друг с другом и со своими питомцами.

Коля открывает шкаф и достает пакет с кормом.

— Фунтик, это тебе.

Кот благодарно трется щекой о Колину мускулистую руку, выгибает спину и требует, чтобы ее почесали.

— Мня-мня-мня, — забавно причмокивает Фунтик при каждом прикосновении к шелковой шерстке и, наконец, принимается за еду.

Коля нагибается и смотрит под стол, где по обыкновению терпеливо и с достоинством дожидается своей очереди старый лабрадор, не заглядывая в рот и не кляпча лакомый кусочек.

— Лордик! Где же ты? Скучаешь по маме? Ничего, старик, скоро все будут в сборе.

Коля направляется в гостиную. Лабрадор

лежит на своем диванчике у окна, не обращая внимания на хозяина. Его когда-то богатые мимикой карие глаза подернуты мутной пеленой, дыхание редкое и неровное. Почуввав неладное, Коля гладит пса по голове, приговаривая:

— Вставай, Лорд, кушать подано.

Кончик хвоста слегка шевельнулся и безжизненно опустился на покрывало.

Коля открывает ящик комода, лихорадочно роется в бумагах.

— Где же визитка ветврача? Кажется, должна быть на дне под стопкой дипломов с выставок. Сколько их тут! BEST PUPPY (лучший щенок), 5 сертификатов САС (кандидат в чемпионы России). Блин, куда же подевалась эта визитка?!

Коля включает компьютер и, найдя первую попавшуюся информацию о ветеринарной клинике, набирает номер.

— Можно срочно вызвать врача на дом?

— Что случилось?

— Собака в коме.

— Порода, возраст, вес, адрес.

— Лабрадор, 14 лет, 50 кг, Юбилейный проспект дом 51/2, квартира 7.

— Врач будет через два часа.

— А мне что делать?

— Ничего, ждите.

Легко сказать «ждите». Коля закончил первый

класс, когда ему подарили щенка. Всем своим обликом, характером и поведением Лорд стал для него символом доброты и преданности. Коля так привык к тому, что друг всегда рядом, что даже забыл о том, что в человеческом измерении Лорд уже перевалил за девятый десяток. Только последнее время он начал сдавать, а до этого обожал продолжительные прогулки в обществе других собак, а еще больше любил приносить «апорт», и общались они в игре на равных, как партнеры. Хорошо, что мать не видит сейчас их любимца в таком состоянии. Но вот присутствия отца явно не хватает. Где он сейчас? Почему не выходит на связь?

* * *

Несколько сотен километров Алексей тянулся в хвосте колонны крытых грузовиков, скрывающих под тентами сверкающие глянцем кузова японских легковушек. Темнело, но колонна упорно двигалась сквозь сгущающиеся сумерки. Зазвонил мобильный.

— Леха! Привет! Наконец-то есть связь!

Алексей сразу узнал голос своего друга по университету Володьки Белых, уехавшего по распределению в Горно-Алтайск, да так и осевшего там в должности директора средней школы.

Алексей любил своего приятеля, который и в сорок оставался не утратившим бесшабашной удали мальчишкой.

— Леха, я сейчас на Байкале в районе залива Сор. Сижу в лодке и наблюдаю. Тут творится нечто — нарочно не придумаешь. Из глубины поднимаются к поверхности яркие вспышки. Они скользят по поверхности светящимися кругами как луч прожектора. Я сразу начал тебе звонить, но пока происходила эта чертовщина, связи не было. Леха, ты где сейчас?

— Километрах в двухстах от залива. Следую за колонной.

— Ты вот что — сворачивай в тайгу, там заночуешь, а как начнет светать, дуй напрямик сюда.

— А звери?

— Что звери? Лесной зверь не трогает того, кто его не боится. Леха, даже не думай отказываться! Быть рядом с Байкалом и не навестить эту жемчужину! О старом друге я уж молчу.

— Ладно, старик, жди с рассветом.

— На завтрак время не трать — угощу медвежатиной.

У конца плеча, так в Сибири называют длинные перегоны до перекрестка дорог, стояла девушка, судя по ярко накрашенным губам и

коротенькой юбке, из под которой призывно выглядывали кружевные оборки трусиков, — плечевая проститутка, живущая от случая к случаю с тем, кто подберет.

Колонна притормозила, несколько парней вывалились из фур и, не злобливо хамя и подтрунивая друг над другом, направились к проститутке. Алексей, который в данный момент меньше всего нуждался в услугах жрицы любви, почувствовал инстинктивное желание защитить девушку. Хотя от кого и от чего защищать? Тем не менее, он тоже вышел из машины и присоединился к остальным.

— Ну что, брат? Жребий будем бросать или как? — обратился к нему седовласый мужчина в возрасте, в котором он сразу признал предводителя колонны.

— Со мной поедешь? — Крутой парень в безрукавке со свеженькой татуировкой на плече резко прижал девушку к себе и жадно впился в малиновый рот.

— Отвали! — заорала проститутка, но парень, не слушая ее, слизывал остатки помады и больно кусал начавшие кровоточить полные губы.

— Эй, послушай, не дело это, — предводитель положил на плечо парня тяжелую ладонь.

— Отвяжись! — буркнул парень, прижимая девицу к стволу березы и наседая на нее, как

молодой хряк.

— Ты как со мной разговариваешь, сосунок?! — предводитель схватил бунтовщика за шиворот и резким ударом повалил на землю.

— Козел! — Оправившись от удара, парень встал на четвереньки, выпрямился во весь рост и двинулся на предводителя, пряча за спиной финку.

— Парни! — испуганно заорала проститутка, — не надо ссориться из-за меня. Я вот с ним поеду, — девушка указала на Алексея.

— Со мной?! — Алексей вздрогнул от неожиданности и часто заморгал.

— Идем-идем, — девица с силой потянула его за рукав. — Где твоя тачка?

— Но я... я живу в Москве.

— Вот и хорошо — я еще ни разу не была в столице.

— Но я женат, у меня семья...

— Садись за руль, — приказала девушка. — Тебя как зовут?

— Алексей. А тебя?

— Меня Тамара, короче Тома.

Среди плечевых проституток не курящие встречались редко, и, надеясь отвязаться от назойливой девицы, Алексей протянул ей пачку «LM».

— Томочка, ты зря меня выбрала. Я перегоняю машину с Дальнего Востока, ночью в

лесах подальше от дорог.

— Я медведей не боюсь.

— Причем тут медведи?! Я не могу и не хочу брать тебя с собой.

— Ты что, так любишь свою жену? Неужели ни разу не изменял?

— Н-н-не приходилось, — от волнения Алексей начал заикаться.

— Ну, разок то можно.

Алексей на минуту задумался. Кажется, нет никакой возможности избавиться от этой наглой размалеванной куклы.

— Да ты не переживай, — прочитав его мысли, успокоила его девица, — завтра высадишь меня у следующего плеча и гуд-бай.

— И не надоело тебе так жить?

— Надоело или не надоело, тебе то какая разница?

— Хочешь, я отвезу тебя на Байкал к одному парню. Директор сельской школы. Ему хозяйка ой как нужна.

— Ты что, серьезно?

— Вполне.

— Хороший ты человек, Алексей. Ну что же, вези меня в подарок другу.

Алексей притормозил и, проехав с километр по бездорожью, остановился вблизи небольшой речки. Издалека доносился звонкий лай самоедских

собак, за мохнатыми елями мелькали фонари — охотники готовились к ночлегу, чтобы с утра пораньше двинуться по следу медведя-шатуна.

Тамара вдруг погладила Алексея по волосам так нежно, как гладят любимого кота.

— А волосы то, Алексей, уже поредели. Жизнь тает как облака — кажется, что медленно плывут, а глянешь — на их месте уже другие.

— Да ты, оказывается, философ.

Окаймленные тенями, тушью и густой подводкой, Тамарины глаза казались огромными и бездонными при тусклом свете луны.

— Ну, мужик ты в конце концов или как?..

* * *

Ночь. Алексей прикрыл пледом задремавшую Тамару и вышел из машины. Время от времени слышны выстрелы и замирающий в воздухе лай со стороны зарослей приречного тростника — кто-то вздумал охотиться на камышовых котов.

— Ну и люди-звери! — возмущается Алексей. — Зачем им эти дикие коты? Даже шкурку не продашь.

Внезапно нестерпимая боль обожгла левый глаз...

* * *

Квартира Веры. Коля опрокинул вторую рюмку брэнди, но душу и тело по-прежнему сотрясал озноб. Он злобно уставился на содержимое бутылки, которое, вопреки ожиданиям, не принесло облегчения. В коридоре слышались тяжелые шаги, сопровождающиеся дребезжанием отколовшихся плиток. Шаги приближались к двери.

Коля распахнул дверь, и в прихожую ввалился двухметровый гигант.

— Вы один? — дрожащим голосом спросил Коля. — Боюсь, что не смогу помочь.

— Дело привычное, справлюсь.

Наполнив шприц, гигант двинулся к дивану, на котором, казалось, в полной отключке лежала собака. Однако остатки чутья еще сохранились, и лабрадор слабо зарычал, словно предчувствуя, что незнакомец явился по его душу.

— Голову на всякий случай придержи, — приказал фельдшер.

Коля зажмурился и прижал ладонью уже начинавшую костенеть шею.

— Все готово. Минут через семь можно забирать на кремацию.

— Не надо кремировать, сам похороню.

— Ну, хозин барин, но оплата, как договаривались.

— Да-да, конечно. — Коля протянул три

пятисотрублевые бумажки, — сдачи не надо.

Гигант положил деньги в пухлый бумажник, достал из сумки два вложенных друг в друга клеенчатых черных мешка и ловким движением запихнул в них бездыханное тело.

Из кармана фельдшера донеслись позывные мобильного.

— Алло, порода, вес, адрес?

— Вы не могли бы приехать поскорее, — в трубке слышались сдавленные рыдания.

— Хорошо, постараюсь, если только не застряну в пробке.

Взгнул на часы, гигант засуетился.

— Мне пора — ехать на другой конец города. А вам советую без промедления купить щенка. Некоторые бабули по полгода рыдают, а потом все равно заводят. Кто животных любит, без них счастлив не будет.

— Я подумаю. Но сначала надо это пережить. Помогите донести пса до машины.

Гигант поднял мешок, несколько раз перекрутил его в воздухе и, взвалив ношу на плечи, двинулся к лифту. Коля последовал за ним.

— Показывай, где твоя тачка.

Коля кивнул в сторону облезлого «пикапа».

— И ты едешь на такой развалюхе?

— Использую ее только как рабочую лошадку. Отец занимается перегонем спортивных

машин с Дальнего Востока. Обещал подарить на день рождения что-нибудь типа «Феррари».

— Да ну! Гонишь!

Фельдшер положил мешок на заднее сиденье «Волги» и быстрым шагом направился к своему лакированному джипу.

* * *

Коля затормозил возле безлюдного лесистого холма, с вершины которого открывался чудесный вид на долину реки. Он не знал, что неподалеку находится хоспис и потому удивился при виде полуслепой старушенции, которая приветливо помахала ему морщинистой рукой.

— Кого вы приехали навестить, молодой человек?

— Навестить? Я приехал сюда похоронить свою собаку.

— Да, как поется в песне, есть только миг между прошлым и будущим. Мне было за 70, когда я вдруг начала писать стихи. Так и гудят в голове, как пчелиный улей, остановиться не могу.

Едва крылья успеешь расправить,
Залюбуешься алым рассветом,
Как желтой лиственной накроются травы,
Предвещающая конец бабьего лета.

Собираются годы в черные стаи, Устремляясь

туда, где солнечный рай.

Но грехи к земле беспощадно толкают, И нет у той бездны ни начала, ни края.

Вообще-то животных где попало хоронить не положено — их в Москве несколько сотен тысяч.

— И всего одно кладбище, да и то не каждому по карману.

— Ладно, ступай. С другом надо проститься по человечески.

* * *

Земля была рыхлая и чуть влажная после недолгого дождя. Коля поцеловал лабрадора в лоб, бережно положил на дно ямы и быстро соорудив невысокий холмик, воткнул в него саженец рябины. Мучительно хотелось посидеть час-другой в одиночестве, слушая доносящееся из-за облаков курлыкание канюка. Но позывные «Nokia» заставили вернуться к реальности.

— Алло, мама? Как ты?

— Чудесно! Я сейчас в Главном соборе Монреаля. Это небольшой городок в восьми километрах от Палермо. Величественный интерьер! Все стены покрывает мозаика — истории из Старого и Нового Завета, повсюду инкрустации из золота. Вообще масса впечатлений и состояние полного умиротворения. Сейчас направляемся к

чудодейственному распятию и статуям Веры и Надежды... А как у тебя? Папа звонил?

— Не волнуйся за нас, отдыхай.

— А что это голос у тебя какой-то странный?

Коля с трудом удержал подступившие к горлу слезы.

— Все окей, целую.

— И я вас целую. Не забывай, что лабрадору нельзя ничего жирного...

— Коля отключил мобильный и глухо зарыдал.

ГЛАВА 3

ПРАЗДНИК СВЯТОГО МАУРО

Боль, невыносимая боль смысла с Алексея всю усталость. Ошалевший от страха, он двигался в ту сторону, откуда прозвучал выстрел дробовика — там были люди. И он звал и звал их слабеющей мощью грудной клетки, придерживая рукой вытекающий глаз.

— Эй, мужик, ты что орешь как вепрь под топором?

— Дробью задело глаз, — только и вымолвил Алексей, без сил опускаясь на обросший мохом пенек.

— Эх, елки зеленые! Говорил тебе Витек — не балуйся затемно с ружьем, — произнес тот же

голос. — Федор! Где ты?! Давай срочно аптечку.

— Да, угораздило тебя, брат — прободное ранение, но жить будешь, коли не помрешь.

Щупленький мужчина в ветровке и охотничьих сапогах, по-видимому, тот самый Федор, начал лихорадочно рыться в рюкзаке.

— Слава богу, что прихватил противостолбнячную сыворотку.

Федор обтер руки носовым платком, смоченным спиртом, и, сделав инъекцию, приступил к хирургической обработке глаза.

— Сейчас-сейчас, потерпи немного. Введу антибиотик и можешь считать, что заново родился. Тебя как зовут?

— Алексей.

— И куда ты, Леха, путь держишь?

— В Москву, — онемевшим ртом прошепелявил Алексей.

— Москва подождет. Придется доставить тебя вертолетом в Иркутск. В Академгородке есть отличный хирург. Сделает тебе такой глаз — жена подмены не заметит. А потом возвращайся на Байкал. Озеро обладает мощнейшей энергетикой. Каждый, кто приезжает сюда хоть на несколько дней, весь год будет здоров как бык... Может быть, все-таки сообщить жене?

— Не надо, Вера сейчас отдыхает в Италии.

Сицилия.

Обнажив уже успевшие покрыться бронзовым загаром плечи, Вера, как зачарованная, бродила в толпе туристов вдоль уникальных развалин города Селинунте, основанного греческими колонистами в 7 веке до н. э. и через два столетия разрушенного Карфагеном.

— Теперь, когда, благодаря раскопкам здесь найдено 8 храмов с гигантскими колоннами и оборонительными сооружениями, развалины Селинунте признаны одним из самых красивых архитектурных памятников Средиземноморья, — устало улыбнувшись, произнесла с легким акцентом гид, худенькая женщина лет тридцати трех по имени Моника.

— А что означает название города? — поинтересовалась Вера.

— Название происходит от слова «selinon» — дикая петрушка. Здесь изобилие петрушки.

— Дикая петрушка?! — рассмеялся пузатый мужичок без возраста. — А сколько, если не секрет, вы, Моника, зарабатываете?

— Когда как. В среднем тысячу евро.

— Будь я на вашем месте, я бы не туристов возил, а открыл здесь свиноферму. Петрушка — самая полезная еда для мини пигов.

— Мини пигов? Я плохо разбираюсь в породах свиней.

— Эти карликовые свиньи умны и хитры как дети. В Австралии, Штатах, Англии уже вошли в моду как домашние животные, которых можно содержать даже в квартире. Теперь и у нас на Украине начался бум. Один поросенок стоит столько же, сколько ваш месячный доход.

— Я подумаю над вашим предложением, — засмеялась Моника.

— Да, подумайте, — пузатый протянул Монике свою визитку. — И муж будет доволен — жена всегда дома, готовит лазанью, а не ездит каждый день по экскурсиям. Тысячу раз рассказывать одно и то же! Свихнуться можно.

— Разве могут надоест эти необыкновенные красоты?! — возразила Моника. — Чем больше рассказываешь, тем глубже постигаешь историю своей страны... А мужа у меня нет.

— Как нет мужа? У такой милой и симпатичной женщины нет мужа? Это почему же?

— У многих итальянских женщин проблемы с замужеством, главным образом, из-за будущей свекрови. Молодые пары встречаются десять лет, но в брак не вступают. Наши мужчины до 40 лет — маменькины сынки и хотят, чтобы жена ухаживала за ними в точности, как мать.

— Ну, и что в этом особенного? Жена и

должна ухаживать за мужем.

— Для этого нужно, чтобы муж обеспечивал семью, а у нас на Сицилии, знаете ли, безработица.

— И куда ваша мафия смотрит?! — усмехнулась Вера.

— Что вы все о мафии, да о мафии? — возмутилась Моника. — У вас самих мафия!

— И все же. Арестовали крестного отца и еще девять главарей. А куда делись остальные?

— Крестному отцу на жизнь жаловаться не приходится. Тюрьму, в которой его содержат, в народе называют пятизвездочным отелем. Оставшиеся на свободе разъехались по небольшим городкам. Кстати, ведут очень скромный образ жизни и помогают всем нуждающимся.

— Но когда-нибудь потребуют вернуть долг, — заметил пузатый.

— Да, это так, — вздохнула Моника. — Если вас интересует жизнь нашей глубинки, могу предложить вам интересную экскурсию «Неизвестная Сицилия». Послезавтра вас устроит?

— Устроит! Это класс! — в один голос завопили молодые девушки из Сургута.

— А теперь пора перекусить. Большинство итальянцев, чтобы не тратить время, едят на обед граниту — очень вкусную булочку с мороженым.

— Нет, так не пойдет, — возразил пузатый. — Обедать, так обедать.

— Хорошо, тогда мы заедем в небольшой ресторан, где отлично готовят рыбу-меч на гриле.

* * *

Вдоль окруженной скалистыми горами дороги на 300 метров черной полосой растянулась похоронная процессия: малорослые, но крепкие с виду мужчины в черном, женщины в черных платках и длинных траурных платьях, застывшие, как изваяние, сумрачные лица. Над толпой возвышается плечистая фигура мужчины лет 50-и с длинными, чуть тронутыми сединой волосами и покрытыми буйной порослью небритыми щеками. Мужчина поддерживает под руку рано состарившуюся, но все еще красивую женщину.

— Вот, Архимед, — обращается к нему древний как развалины рухнувших цивилизаций морщинистый старец, — и до твоего друга Антонио дотянулась рука копов.

— Рука правосудия, — хотел ты сказать.

— А что такое правосудие? Право судить. Кто дал им это право? У Антонио осталось четверо детей. Кто будет их кормить, одевать, учить? Ты только взгляни на их мать! Джулия согнулась от горя как тростинка на ветру.

— Я не оставлю детей, тем более, что своих у меня нет.

— В этом вина твоей Джеммы. Зачем ты позволил ей сделать аборт?

— Джемма никогда не делала аборт.

— Ты хочешь сказать, что дело в тебе?

— Можно и так сказать — у нас не было супружеских отношений.

— Я не понимаю тебя, Архимед, но это ваше личное дело. Однако, скажи, на какие деньги ты намерен поднять детей? Целыми днями сидишь взаперти и занимаешься какой-то ерундой.

— Как можно судить о том, чего не знаешь? Ты сам говорил когда-то, что у меня мозги моего предка. Я уже почти достиг цели.

— Архимед из Сиракуз умел выколачивать деньги из правителей. А тебя, ты уж прости меня старика за откровенность, кормила жена, да успокой Господь ее душу.

— Джемма обожала животных, особенно собак, и у нее получалось заниматься разведением. Я тоже люблю их и помогал, как мог. Кстати, из меня мог бы получиться отличный парикмахер.

— Ты ей помогал? Это Антонио возил в Рим ваших элитных щенков, давал объявление в интернете, находил клиентов. Ты бы лучше подумал о том, как подороже продать свой мозг. И почему ты держишься в стороне от семьи? Я и посоветовать ничего не могу, так как не знаю, что ты там такое изобрел.

— Боюсь, что мне трудно будет объяснить тебе. Это что-то вроде робота, только очень маленького.

— И кому нужен этот твой робот-лиллипут? Вот если бы ты изобрел Терминатора, мы бы нашли ему достойное применение.

— Мой робот намного меньше, чем самый маленький из лиллипутов, а возможностей у него в десятки раз больше, чем у Терминатора.

— Да, трудно тебя понять, но не сомневайся — мы во всем разберемся. Мы не враги тебе, Архимед. Мы хотим помочь. Давай, рассказывай так, чтобы я понял.

— Этот робот...

В этот момент со стороны деревни донеслись выстрелы. Плачущие дети бросаются к бьющейся в истерике Джулии.

— Сволочи! Даже в день похорон не оставляют моего Антонио!

— Пришли за Марко. Этот парень живым не сдастся. Архимед! Успокой женщину, — просит старик.

— Джулия, я ... мы что-нибудь обязательно придумаем. Клянусь, ты и твои... нет, теперь наши дети не будут нуждаться. Я обещаю вам достойную жизнь.

Архимед достал из кармана мобильный новейшей модификации.

— Отдай старшему сыну, он давно просил.

— А что скажет Габриеле?! Мальчишки только подерутся из-за твоего подарка.

— Вот видишь, Архимед, мелкими подачками тут не отделаешься. Сейчас не время, но разговор нельзя откладывать. Поговорим после поминок.

— Хорошо, я расскажу тебе все.

* * *

Четырехзвездочный отель, в котором остановилась Вера, напоминал наблюдательный пункт, главной целью при строительстве которого было затруднить подход с любой стороны, обеспечив при этом обзор окрестностей в радиусе нескольких километров. Обещанная в рекламе близость песчаного пляжа была, мягко выражаясь, сильным преувеличением. Окруженное гигантскими фикусовыми деревьями и пальмами здание прилипло к крутому склону лысой горы, и спуститься к морю можно было только на автотранспорте по узкому серпантину. Правда, каждые пятнадцать минут к входу в отель подъезжал автобус и через пять минут доставлял всех желающих на принадлежащий отелю пляж, подступы к которому оккупировали торговцы турецкими, китайскими и индийскими товарами.

В 19-00 — последний обратный рейс. К

автобусу направляются те из отдыхающих, которые не торопятся к ужину. Среди них Вера и Карл. Увлекающийся подводным плаванием Карл всего час тому назад вернулся из поездки на заповедный остров Лампедуза, самый южный остров Италии, расположенный всего в 90 километрах от африканского материка. Карл с восторгом рассказывает о красотах морских глубин, показывает Вере снимки морских черепах.

— А почему вы не взяли с собой Лао? — полюбопытствовала Вера.

— Слишком утомительная для нее поездка — мы выехали в 4 утра.

* * *

Лао, переодевшаяся к ужину в элегантный белый костюм, нервно курсировала по холлу отеля в ожидании супруга. Увидев мужа в обществе Веры, женщина откровенно разволновалась.

— Мы говорили о том, что немецкие мужчины — лучшие мужья в мире, — успокоила ее Вера. — Карл так расстраивался, что вы не могли полюбоваться вместе с ним муренами и черепахами.

— О, этим меня не удивишь. За свою жизнь в Таиланде я перевидала их столько!

— Да, Таиланд — самое доступное место

отдыха для любителей экзотики заметил Карл. —
Bye-bye, увидимся за ужином.

* * *

Вера наскоро переделалась в черное вечернее платье, которое, как оказалось, весьма кстати приобрела перед поездкой в ближайшем бутике — лишь очень немногие приходили на ужин в пляжных костюмах. Теперь она с гордым видом шествовала по широкому коридору мимо сверкающих витрин к мостику, соединяющему отель с огромной верандой, на которой располагался ресторан. Неожиданно мимо нее со смущенным видом проскользнула молодая пара: парень в черном костюме и белой рубашке с бабочкой и девушка в роскошном, скорее всего подвенечном, платье.

У входа в ресторан царило необычное оживление. Звучала итальянская музыка. Живописные клоуны жонглировали разноцветными шарами, грациозно извивались в танце юные девушки в национальных костюмах. От жаровни исходил неповторимый дух баранины. Парни в белых колпаках ловким движением переворачивали сочные куски, проверяли готовность и тут же раскладывали их в протянутые тарелки.

— Hello, Вера, — послышался за спиной голос

Карла. — Сегодня шикарный ужин по случаю свадьбы.

Дальняя половина ресторана была отгорожена красной бархатной лентой, за которой чернела праздничная толпа: смуглые черноволосые мужчины в черных костюмах и ослепительно белых рубашках, дамы в темных блестящих платьях. Верин столик располагался рядом с этой границей двух миров, и она украдкой наблюдала за происходящим. Свадьба совсем не походила на русское застолье. Гости сидели за столиками на четверых и о чем-то беседовали. Кроме барашка, жаренного на углях, на столах стояли блюда с устрицами, индейкой, соусы с тунцом и, конечно, королевское макаронное блюдо «паста алла норма». По случаю свадьбы и ужин для отдыхающих был более разнообразным. Вместо обычного красного сухого на столе стояла бутылка Elogo урожая 2004 года. Карл наполнил бокалы.

— У этого вина уникальный цвет и необычайно приятный вкус, — заметил Карл.

Вера сделала маленький глоток и вдруг застыла с бокалом в руке. В полоборота к ней за соседним столиком сидел длинноволосый мужчина. Копна черных с проседью волос падала на плечи, сросшиеся на переносице мохнатые брови, тонкий орлиный нос... Неужели это он? Мужчина оживленно беседовал с морщинистым стариком.

Кроме них двоих за столом никого не было и, судя по выражению их лиц, они говорили о чем-то важном.

— Архимед! Неужели это Архимед? — вырвалось у Веры.

— Вы знаете этого мужчину? — с любопытством спросила Лао.

— Нет, мне показалось.

Вера повернулась к Архимеду спиной и на минуту погрузилась в воспоминания.

* * *

Они были вдвоем в его номере. Архимед достал из бара бутылку шампанского и плитку шоколада. Пробка гулким выстрелом ударила по потолку, по столу разлилась пена.

— Извини, я не спец в таких делах, — смущенно пробормотал Архимед, наполнив бокалы остатками напитка.

Шампанское сразу ударило ей в голову. Она уставилась вверх бокала на его огненные глаза, и каждая клетка ее тела говорила ей, что она откликнется на первый же порыв. Но Архимед смотрел куда-то в сторону и говорил о вещах, которые в тот момент были ей совсем не интересны.

— Еще в 1959 году Нобелевский лауреат

Ричард Фейнман произнес роковые слова: «Ни один физический или химический закон не мешает нам менять взаимное положение атомов».

— Ну, и что в этом особенного?

— К примеру, это может означать, что наше поколение окажется последним смертным поколением.

Вера пожала плечами и начала накручивать на палец длинную прядь волос, что свидетельствовало о ее полной растерянности. Взгляд Архимеда вдруг стал странным и неподвижным.

— У тебя роскошные косы, но мне больше нравятся девушки с короткой стрижкой.

— Они тебя заводят?

— Хочешь, я сам подстригу тебя? — вместо ответа спросил он.

Во взгляде Архимеда было нечто пугающее и одновременно манящее, и она почувствовала, что готова на все, лишь бы это произошло именно здесь и сейчас. Он взял ножницы, накинул на ее плечи полотенце и подвел ее к зеркалу. Лицо Веры стало белее снега при виде падающих на пол локонов, которые она мужественно отращивала почти три года, не взирая на острое желание побриться наголо в период летнего зноя.

Закончив работу, Архимед сел в кресло и некоторое время молча любовался девушкой, которая теперь походила на юного симпатичного

паренька.

— Ну что? Теперь ты доволен?

Темные глаза Архимеда стали еще чернее, и их оценивающий взгляд показался Вере оскорбительным. Он медленно поднялся и вплотную приблизился к ней. Вера едва доходила ему до плеча. Встав на цыпочки, она потянулась к нему, подставляя губы. Архимед ответил на ее порыв холодным небрежным поцелуем и, вдруг быстро повернув ее к себе спиной, резким движением стянул тугие джинсы.

— У тебя узкие бедра и отличная попка, как у мальчика.

В следующий миг он повалил ее на кровать и грубо вошел в нее, не обращая внимания на крик боли и струйки крови, стекающие по бедру.

Это было совсем не то, что она предвкушала, однако боль через некоторое время прошла, и она инстинктивно отдавалась ритму его движений, ощущая вместе с утихающей болью неизвестную ей прежде истому. Архимед вдруг часто задышал, и ее пронзила новая боль, в которой не было ни капельки наслаждения — просто боль.

— Пусти! Мерзавец! — вопила Вера, но он продолжал истязать ее с дьявольской страстью до полного изнеможения.

Тогда она ненавидела его, но потом не раз вспоминала то смешанное с болью звериное

наслаждение, которое она больше не испытывала никогда — Алексей всегда был нежен с ней.

И даже в последнюю минуту прощания с Архимедом в аэропорту Вера надеялась услышать слова, которые обозначат для нее путь на перекрестке сомнений. Но слова прозвучали жестко, как приговор:

— Ты славная девушка, но у меня есть только одна страсть — электричество. Не хочу поломать твою судьбу.

В тот вечер Вера вернулась в компанию дачных друзей, уже потерявших надежду увидеть подругу. Алешка предложил поехать на мотоциклах на рыбалку. Вера редко сама садилась за руль, но сейчас ей, как никогда, хотелось выжать из железного коня всю его мощь. Она неслась по шоссе, подставив лицо освежающему ветру, который, казалось, смывал с души горечь несбывшихся надежд.

За поворотом на проезжую часть выбежал молодой лось, не успевший познакомиться за свою короткую жизнь с правилами дорожного движения. Вера резко повернула руль, и в следующий миг вслед за нестерпимой болью наступила тишина.

Очнулась она в больничной палате. Попыталась встать, но окутанная гипсом нога была высоко поднята и надежно закреплена. За дверью слышались приглушенные голоса, один из которых,

по-видимому, принадлежал доктору.

— В чем вы меня обвиняете? В том, что я спас жизнь вашей дочери и ее будущего ребенка?

Вере показалось, что сердце вот-вот вырвется из груди. Чтобы не крикнуть, она зажала рот рукой.

— Но моя дочь останется калекой! — прорыдала за дверью мать.

— Да, ногу пришлось укоротить на шесть сантиметров, но мы сделали все возможное, чтобы не прервалась беременность. Она сможет родить.

— И стать матерью-одиночкой?!

— Неужели вы хотите, чтобы ей сделали аборт? Мы не можем без ее согласия.

— Н-н-нет! Не надо аборта! — произнес дрожащий заикающийся голос. он принадлежал Алешке. — Людмила Андреевна, — теперь он обращался к Вериней матери, — я люблю вввашу до-дочь и готов жениться..

* * *

— Речь идет о нано-мире, — услышала Вера знакомый голос. — Размеры объектов этого мира, — продолжил Архимед, — составляют миллионные доли миллиметра. Если запустить такие нано-роботы в человеческий организм, можно уничтожить вирусы и вообще произвести в наших внутренностях такие изменения, что человек станет

бессмертен. Сфера их применения будет постоянно расширяться...

— У меня нет причин сомневаться в твоей гениальности, Архимед. Если бы я не поверил тебе, никогда не согласился бы стать твоей подопытной крысой.

— Ну, и как вы оцениваете результат?

— Думаю — лет до ста удастся сохранить форму.

Архимед вдруг перешел почти на шепот, и до Веры донеслись только обрывки фраз.

— И спомощью твоих нано-роботов можно будет грохнуть, кого захочешь и без свидетелей? — недоверчиво спросил старик.

— Ну, знаешь ли! В данный момент я приблизился к созданию нано-технологии, которая полностью и безболезненно решит проблему ожирения.

— На средстве для похудения можно очень хорошо заработать. У нас найдутся люди в Штатах, Канаде, России, которые помогут воплотить твои идеи в доллары и, притом, в кратчайшие сроки.

— Я не могу держать в секрете свои разработки — они нужны человечеству.

— Архимед, ты член семьи, ты не можешь уйти от нас так просто.

— Я сделаю то, что должен сделать.

— Учти, что мы будем следить за каждым

твоим шагом, и, если ты вздумаешь ускользнуть, я сам тебя приговорю.

— Тогда вы не получите ничего.

Вера вздрогнула, ощущая затылком, что Архимед пристально смотрит на нее. Она встала и, опираясь на палку, направилась к выходу. На секунду задержалась на мостике, любуясь неповторимой красотой спускающихся к морским пляжам покрытых зеленью холмов. А когда обернулась, увидела спешащего навстречу молодого мужчину в шортах. Неожиданно в его руках оказалась камера, и в следующий миг объектив запечатлел крупным планом ее лицо.

— Не надо меня снимать! — возмутилась Вера.

— Простите, я и не думал этого делать, — нисколько не смутившись, заявил фотограф.

Отвернувшись от Веры, мужчина начал непрерывно щелкать, демонстративно делая вид, что снимает окрестные пейзажи. Возможно, Вере действительно только показалось, что объектив был направлен на нее, но этот хам даже не представился. Да, она хромоножка, но выглядит куда лучше, чем большинство из живущих в отеле европейских туристок. Ее вновь длинные локоны были тщательно покрашены в естественный цвет, на загорелом лице голубыми озерами выделялись круглые, сохранившие юный блеск глаза.

— Меня зовут Стив, — будто прочитав ее мысли, вдруг представился фотограф. — Я турист из Штатов. А вы?

— Я из Москвы, и мое имя Вера.

— Вера? Редкое имя.

— Да, только в России девочкам дают имена Вера, Надежда, Любовь.

— Вы не будете против, если завтра мы вместе пообедаем?

— Завтра я уезжаю на весь день на экскурсию.

— С удовольствием составил бы вам компанию, но, если честно, я приехал сюда прежде всего отоспаться.

— Чао, еще увидимся.

* * *

Два дня до.

Массачузет. Лаборатория лазерных технологий.

У стола с лазерной установкой разговаривают двое мужчин, одного из которых по его покрасневшим от бессоницы глазам, небритым щекам и небрежно надетой рубашке с мятым воротничком легко принять за зациклившегося на своей работе экспериментатора.

— Ну, ты и страшилище, Стив, — усмехнулся, охватывая инженера взглядом, его собеседник, не

высокий, подтянутый, с военной выправкой мужчина неопределенного возраста. — Надеюсь, что все эти муки не зря.

— С помощью лазерного излучения можно выстраивать молекулы в цепочку, убирать отдельные звенья или добавлять новые.

— И это все?

— А что ты хочешь от меня, Билл? Чтобы я взял и создал для тебя нанороботы — убийцы?

— У киллеров есть и другие надежные средства. Нам нужен конкретный результат. Ты слышал что-нибудь о докторе Архимеде Росси?

— Об этом отшельнике? Что может создать одиночка?

— А если этот одиночка гений? По моим сведениям доктор Росси уже опередил нас в опытах по имплантации нано-роботов в серое вещество. Опыты проводятся на животных, благо у его жены питомник всевозможных четвероногих. Мои агенты пытаются установить с ними контакт, но Архимед полностью под колпаком сицилийской мафии, у которой, кстати, остались большие связи за рубежом. Однако, ты меня знаешь. Через две недели, максимум через месяц ты будешь иметь достаточно полную информацию о достижениях доктора Архимеда Росси в области нано-технологий.

— Не нравится мне это, Билл. — Воровать

чужие идеи не по мне.

— Ты хочешь, чтобы управлением нано-роботов занялась мафия? Они сейчас живут как на горячих углях — массовые аресты, финансовый контроль. И они не выпустят из своих рук курицу, несущую золотые яйца.

— Хорошо, делай, как считаешь нужным.

— Я считаю, что сейчас тебе будет полезен хороший отдых. Думаю, что неделя, другая на острове Сицилия восстановят твой могучий потенциал.

* * *

В половине второго русскоязычные туристы собрались в холле отеля, где их уже ожидала Моника.

— Экскурсия «Неизвестная Сицилия» предполагает посещение небольших деревень в глубине острова и города Сан Мауро Коста верде, где вечером состоится религиозный праздник Святого Мауро. Сухой паек можно не брать — нам предстоит дегустация итальянских вин, сыров и сладостей, которые стали популярны здесь в период арабского господства. Это жареный миндаль с медом в смеси с яичным белком, ледяной нектар с ароматическими добавками из фруктов, специй и цветов. Сицилийцы очень гостеприимный народ,

так что проблемы с обедом у нас не будет.

Туристы уже садились в автобус, когда к Монике подбежала запыхавшаяся Лао, за которой следовал Карл. Оба показались Вере сильно возбужденными.

— Мы хотели бы присоединиться к вам. Это возможно? — спросила Лао на английском.

— Сожалею, но среди немецких туристов не нашлось достаточно желающих, и говорить я буду на русском.

— А возможно заказать индивидуальную экскурсию? — поинтересовался Карл.

— Да, конечно, но это будет дорого.

— В таком случае мы будем следовать за вами на машине, чтобы не заблудиться.

— Против этого я не могу возразить, но имейте в виду, что я не несу за вас никакой ответственности.

— О, не волнуйтесь, пожалуйста — всю ответственность я беру на себя, — Карл и Лао направились к маленькому красному «фиату».

Вере такая настойчивость ее немецких друзей показалась странной — если Карл может позволить себе арендовать машину за 60 евро в сутки, то почему бы не договориться об экскурсии со своим гидом?

Центральная Сицилия сильно отличалась от живописного побережья и временами походила на опаленную солнцем степь, окруженную скалистыми бурыми холмами с редкими зелеными вкраплениями. Всего в нескольких десятках километрах от бурлящего людского муравейника протекала ленивая сонная жизнь, в которой редко можно было повстречать не то что человека, но и представителя фауны.

Наконец вдали показалась деревня — несколько узких серо-каменных улочек, спускающихся со склоны горы к центральной площади. У домов чинно восседали на стульях молчаливые мужчины с бронзовыми бесстрастными лицами, которых, казалось, не волновало ничего, кроме своего монотонного и однообразного существования в этой глуши.

— На что они живут? — поинтересовалась Вера у Моники.

— В основном, за счет туристов. Вообще на Сицилии магазины закрываются в половине второго и открываются в половине пятого, но ради нас они нарушили свои традиции.

Автобус остановился на небольшой площади возле магазина, перед которым громоздились лотки со множеством бутылок различной емкости.

— Это местные ликеры, —

проинформировала Моника. — Вы можете попробовать все и выбрать тот, который придется по вкусу.

Туристы выстроились в очередь, пробуя один ликер за другим, и по достижении кайфа, остановили свой выбор на ликере из кактуса. Вера купила четыре бутылки по 8 евро за каждую, хотя особого восторга напиток у нее не вызвал. Но все-таки экзотика. Можно будет подарить три из них подругам, а одну распить с мужем и сыном по возвращении.

В тесном пространстве между каменными стенами зависла нестерпимая жара, и потому все дружно направились к лотку с ледяным нектаром. Вера на секунду замешкалась, затрудняясь с выбором, как вдруг откуда-то сбоку из толпы вынырнул Карл с двумя порциями мороженого.

— А где Лао?

— Ей стало дурно от духоты — она ждет меня в машине. А я хотел пройтись по антикварным лавкам. В таком захолустье всегда найдется что-нибудь интересное.

Они спустились вниз по крутому спуску между тусклыми стеклами витрин закрытых магазинов. Дверь в антикварную лавку была, однако, открыта, но внутри было темно, и никого не было, кроме осколков скульптур греческой эпохи, не удостоенных чести стать экспонатами

археологического музея. Вера чуть было не споткнулась о расставленную повсюду древнюю «рухлядь» в виде светильников, керамических амфор и ваз. Повертев в руках ажурное металлическое изделие непонятного назначения, она хотела было обратиться к Карлу, считавшему себя знатком антиквариата, но он исчез.

— Карл! — испуганно озирась, окликнула его Вера.

— Одну минуту!

В это время Карл вел торопливый разговор с владельцем лавки, и разговор этот не имел ничего общего с предметами старины.

— Альберто, через полтора часа она будет в центре Сан Мауро. К тому времени уже стемнеет, так что действуй, как договорились.

— Не волнуйся, Карло, мои люди все организуют. Можешь на меня положиться. Однако, я нуждаюсь в небольшом авансе — я совсем на мели.

Карл достал бумажник и вынул из него две купюры достоинством в 500 евро.

— Если все пройдет успешно, получишь в несколько раз больше.

— Ты уж, пожалуйста, не поскупись — мне придется расплатиться.

— Ну, ты что-нибудь выбрала? — Подойдя сзади, Карл обнял Веру за плечи.

— Есть недурственные вещицы, но я не буду ничего покупать — могут изъять на таможне.

— Кстати, не забудь, что и ликеры придется сдать в багаж — провозить жидкости запрещено.

— Ах да, я и забыла об этом. Спасибо, что напомнил.

Карл взглянул на часы.

— Пора идти — ваши уже ждут.

* * *

— Куда же вы пропали? — раздраженно спросила Моника, — нам надо торопиться, чтобы успеть посмотреть процессию.

Едва Вера вошла в автобус, водитель тронулся с места, и уже через 10 минут автобус мчался по нависшему над пропастью узкому шоссе со множеством головокружительных поворотов.

— На Сицилии ярмарки, карнавалы, религиозные процессии и фестивали длятся круглый год, — сообщила Моника. — К сожалению, вы не увидите самый знаменитый на острове карнавал — он проводится перед Великим Постом в городе Ачиреале. Красочные двенадцатиметровые повозки шествуют по улицам

города, изображая картины сицилийской жизни. Городок Сан Мауро, куда мы направимся, трудно найти на карте. Но зато там в увидите жизнь островитян в натуре. Прибавь газу, — обратилась Моника к водителю, — религиозная процессия начинается в семь.

— А что это за процессия? — поинтересовалась Вера.

— Из церкви Святого Мауро понесут статую святого в другую церковь, названную в честь его двоюродного брата. По преданию, в то время, когда Святой Мауро навещает своего брата, все сопровождающие его могут молитвой искупить свои грехи и загадать желания, которые обязательно исполнятся. Во главе процессии будут мэр, священослужители и все уважаемые люди города.

После утомительной гонки по серпантину, от которой у Веры то и дело замирало сердце, автобус остановился на крошечной площади возле крутой лестницы, поднимающейся в город. Городок походил на скопление пчелиных ульев, каким-то чудом закрепившихся на крутых склонах горы на высоте тысячи метров над уровнем моря.

— Сейчас мы поднимемся и присоединимся к процессии. — Моника подняла руку с гербом Сицилии — Медузой Горгоной. — Это будет мой опознавательный знак. Прошу не отставать. И не

забудьте взять камеры — я договорилась с мэром о том, что вы можете делать любые снимки.

Взявшись за руки, туристы последовали за молодой женщиной, которая резво перепрыгивая через две ступеньки, пыталась укоротить время подъема. Запыхавшаяся Вера с трудом поспевала за проводницей, думая только о том, как бы не потеряться в этом людском муравейнике — все жители города устремились на главную улицу, готовясь принять участие в праздничном шествии. Мужчины и женщины были одеты в выходные костюмы и платья, но на женщинах почему-то не было обуви. Вера заметила в толпе их водителя, которые уже успел сменить помятый джинсовый прикид на элегантные черные брюки и светлую накрахмаленную рубашку. Увидев Веру, он весело подмигнул ей.

— Марио — местный житель, — улыбнулась Моника, — уже побывал дома и принял подобающий вид.

— А как же мы? — смутилась Вера, одергивая спортивную рубашку.

— Ничего, не смущайтесь — мы — туристы, — подбодрила ее Моника.

В этот момент заиграл оркестр, и по толпе пронесся гул.

— Вот он! Святой Мауро!

Со стороны собора навстречу Вере медленно

двигалась живописная процессия. Несколько десятков молодых мужчин в ярко-зеленых рубашках несли на плечах носилки с креслом шириной в половину улицу, на котором восседал Святой Мауро. Время от времени мужчины издавали глухой гортанный звук, что-то вроде «ху». Вера достала фотоаппарат и, забыв обо всем, протиснулась сквозь толпу поближе к святому. Впереди носилок гордо шествовали отцы города, и среди них Вера вдруг заметила знакомую фигуру длинноволосого мужчины.

— Архимед! — вырвалось у нее. Она инстинктивно устремилась навстречу, но двое мужчин схватили ее под руки.

— Рядом с мэром идти нельзя. Присоединяйтесь к женщинам.

— Моника! Моника! — крикнула Вера, увидев поднятую руку с Медузой Горгоной.

— Следуйте за процессией и следите за моей рукой, — прокричала в ответ Моника. — Встречаемся у подъема в гору.

Вера встала рядом с босой девушкой, с отрешенным видом шептавшей «отче наш», и, стараясь идти в ногу, некоторое время двигалась вперед, вздрагивая от периодически повторяющихся странных криков зеленых мужчин. У подъема в гору процессия вдруг замедлила шаг. Вера протиснулась сквозь толпу к небольшой площадке,

где должна была ждать их Моника, но вокруг мелькали лишь незнакомые лица, вселяя в душу смутное беспокойство — Вера вообще плохо переносила тусовку в толпе людей, тем более, что это были люди, одержимые религиозным экстазом. Невозможно описать ее радость, когда она вдруг увидела белокурую даму, резко выделяющуюся из толпы своей одеждой туристки, состоявшей из шорт и топика, обнажавшего красивые полные плечи. Это была банкирша из Елабуги. Она держалась самоуверенно и, казалось, ее вовсе не беспокоили ни осуждающие взгляды окружающих, ни отсутствие гида и других туристов.

— Привет, Вера! — окликнула ее банкирша. — Я что-то не вижу никого из наших.

— Может быть, они решили все-таки подняться в гору вместе с процессией, — предположила Вера.

— Наверное, это так и есть, но я туда не пойду. Давайте потихоньку двигаться к автобусу.

Спуститься вниз по центральной улице не было никакой возможности — там яблоку негде было упасть.

— Так, сворачиваем на боковую, — решила банкирша.

Уже совсем стемнело, и путь освещали только скудные гирлянды огней праздничной иллюминации. Впереди вдруг вспыхнул свет

фонарей, падающий на тесные ряды торговцев всевозможными сувенирами, кожаными изделиями и другими товарами по цене, в несколько раз меньшей, чем в магазинах. Вера не смогла удержаться от того, чтобы не порыться в развале сумок «made in Paris», привлекли ее внимание и красочные вееры, как оказалось, китайского производства.

Рассчитавшись за покупки, Вера начала искать банкиршу, будучи уверенной, что дама не могла уйти далеко, но белокурой головки возле прилавков не было — вся эта мишура не могла заинтересовать даму с достатком куда выше среднего. Вера даже почувствовала легкий укол самолюбия — своим ажиотажем при виде дешевых товаров она разоблачила себя в смысле своих финансовых возможностей.

— Черт, и как же ее зовут? — мучительно напрягая память, пыталась вспомнить Вера. Вытянув шею, она в отчаяньи завопила:

— Дама из Елабуги! Где вы?

Никто не откликнулся. Вера металась от прилавка к прилавку, пытаясь расспросить торговцев о местонахождении автобусной стоянки, но они плохо понимали итальянский и только пожимали плечами. Покупателей почти не было — разгар торговли приходился на первые часы после окончания церемонии. Редкие прохожие, к которым

обращалась Вера, казалось, тоже плохо понимали ее и в ответ на ее вопрос, растерянно бормотали: «дритте, дритте», что, по-видимому, означало «идите прямо».

Вера шла и шла пока, выбившись из сил, не оказалась возле ограды, за которой белела двухэтажная вилла, резко контрастировавшая с почерневшими от времени домами города. В окнах горел свет, и это обнадеживало. Вера несколько раз нервно нажала на кнопку. Ей казалось, что прошла целая вечность, прежде чем хозяин виллы откликнулся на звонок. Дверь распахнулась, и на пороге показался длинноволосый мужчина. В тусклом свете фонаря его лицо показалось Вере страшным — глубокие подглазины, безумный взгляд, небритые впалые щеки. Но в следующую минуту она узнала его. Избежать встречи было не возможно.

— Доктор Росси?! Архимед!

ГЛАВА 4

ЛЮБОВЬ ПОД МИКРОСКОПОМ

Иркутск. Палата хирургического отделения городской больницы.

Алексей неподвижно лежит на больничной койке, уставившись в потолок единственным глазом. Спутавшиеся в клубок мысли не дают

покоя. Единственное, что он твердо решил для себя, это не волновать Веру, но сыну надо сообщить — мало ли что. Пока никто не говорил с ним об оплате медицинских услуг, но он не настолько наивен, чтобы не понимать, что в самое ближайшее время эта проблема выстрелит по нему подобно тому незадачливому охотнику. Кстати, никто из них не дал о себе знать с того самого дня, как вертолет доставил его в больницу. Подать на стрелка в суд? Нет, это не для него.

— Ну, как самочувствие? — донесся с порога знакомый женский голос.

— Тамара?! Ты?! Как ты здесь оказалась?

Тамара положила на тумбочку пакет с фруктами и соком.

— Долг платежом красен. Ты же спас меня от этих жеребцов. Я говорила с хирургом. Операция прошла успешно, но за нее придется заплатить.

— Сколько?

— Шестьдесят тысяч.

— Всего то?

— У тебя есть с собой такие деньги?

— У меня карта «American express»...

Алексей вдруг помрачнел. Только сейчас он вспомнил, как придя в сознание, первым делом спохватился о карте. Дежурная медсестра перерыла все его карманы, но карты не было.

— Наличных всего тысяч тридцать — оставил

на бензин.

Тамара достала из сумочки кошелек и, разложив на одеяле долларовые купюры, принялась делать подсчет:

— Сто, пятьдесят, двадцать, пятьдесят...

Блин, осталось всего триста — пришлось подмазать медсестер и за гостиницу заплатила...

— Ты остановилась в гостинице?

— А как же? Решила подождать, пока ты поправишься и познакомишь со своим другом.

— А это идея! Володька всего в нескольких ста километрах отсюда. Он обязательно поможет.

Тамара достала мобильный.

— Называй номер... Блин, абонент временно не доступен.

— Дай я наберу.

После десяти попыток дозвониться до приятеля, Алексей оставил эту затею.

— Ладно, попытаюсь позже. А сейчас у меня к тебе просьба: выясни, пожалуйста, где находится моя машина.

— У кого?

— У хирурга. Он знакомый тех охотников.

* * *

Друг Алексея Владимир признавал, что не мыслит своей жизни без ярких моментов, от